

Глава первая

Среда, 15 апреля 2009 года

Евреи, вспоминая переход через Красное море, торжественно отмечают седьмой день Песаха, христиане — четвертый день Пасхальной октавы¹. Для поляков это второй день трехдневного национального траура по жертвам пожара в Камень-Поморском. В мире большого футбола команды «Челси» и «Манчестер Юнайтед» выходят в полуфинал Лиги чемпионов УЕФА, в мире футбола польского суд выносит нескольким болельщикам лодзинского клуба «ЛКС» обвинение в разжигании межнациональной розни за ношение футболок с надписью «Смерть „Видзеву“² — еврейской курве». Главное управление полиции публикует мартовский отчет об уровне преступности: по сравнению с мартом 2008 года

¹ Пасхальная октава — в Католической церкви термин, объединяющий Пасхальное воскресенье и следующую за ним Пасхальную неделю. Заканчивается Пасхальная октава на следующее воскресенье, когда дополнительно отмечается праздник Божьего Милосердия.

² «Видзев» — футбольный клуб из Лодзи, города, в котором до войны жило много евреев.

Зигмунт Милошевский

она выросла на 11 процентов. Полиция комментирует: «Кризис толкает людей на преступление». В Сандомеже он уже толкнул продавщицу из мясного отдела, и та толкнула из-под прилавка сигареты без акциза, женщина задержана. В городе, как и во всей Польше, холодно, температура не выше 14 градусов, но это первый солнечный день после холодной Пасхи.

1

Нет, духи не приходят в полночь. В полночь еще показывают по телевизору фильмы, подростки исступленно мечтают о своих учительницах, любовники набирают силы для следующего раза, старики супруги озабоченно толкуют о том, куда идут деньги, примерные жены вытаскивают из духовки пироги, а достойные порицания мужья не дают детям спать, пытаясь по пьянке открыть дверь квартиры. В полночь жизнь по-прежнему бурлит, и духам умерших нелегко произвести подобающий эффект. Другое дело — перед рассветом, когда вздремнет даже служитель автозаправки, а мутная зорька мало-помалу извлечет из полумрака существа и предметы, о существовании которых мы и не подозревали.

Время близилось к четырем, солнце встанет через час, а в читальне Государственного архива в Сандомеже Роман Мышинский в окружении почивших в бозе боролся с одолевающим сном. Горы приходских книг XIX века источали душливый запах смерти, хотя в них преобладали записи, касающиеся скорее радостных событий — крестин и венчаний. Просто трудно

ДОЛЯ ПРАВДЫ

было избавиться от мысли, что все эти новорожденные и новобрачные уже не один десяток лет гниют в могиле, а все эти редко раскрываемые книги, по которым, дай-то Бог, раз в год прохаживался пылесос, являют собой единственное свидетельство их существования. Этим и так посчастливилось, если принять в расчет, как с польскими архивами обошлась война.

В помещении царил холод, кофе в термосе закончился, а в голове у Мышинского рождались только проклятия: на кой черт занялся он поисками генеалогических деревьев да еще фирму открыл, вместо того чтобы пойти на должность ассистента. В вузах доходы хоть и невелики, но стабильны, там и страховку оплачивают — одни плюсы. Особенно по сравнению со школой, куда угодили его однокурсники: при столь же низкой зарплате они успели вкусить чувство безысходности и натерпеться от угроз учеников, вполне подпадающих под статьи Уголовного кодекса.

Он бросил взгляд на раскрытую страницу, где в апреле 1834 года ксендз из прихода в Двикозах каллиграфически вывел: «Явившиеся и ихние свидетели неграмотныя». Вот, собственно, и все, что известно по части дворянского происхождения Влодимижа Неволина. Однако останься у кого-нибудь сомнения: дескать, у родителя, прапрадеда Неволина, принесшего окрестить дитя после *пуповин*¹, скорее всего, выдался тяжелый денек, они бы тотчас же отпали ввиду его принадлежности к крестьянскому сословию. Мышинский был убежден: докопайся он до свидетельства о браке, то обнаружится, что упомянутая

¹ *Пуповины* — обычай празднования рождения ребенка в день его появления на свет.

в метрике Марьянна Невалина — пятнадцатую годками помоложе своего супруга — не иначе как прислуга. И по тем временам, верно, проживала со своими родителями.

Он встал, резко потянулся, задев рукой висящий на стене довоенный снимок сандомежской Рыночной площади. Поправил его и подумал: а ведь сейчас площадь выглядит несколько иначе. Скромней, что ли. Он выглянул в окно, площадь застилал туман. Что за вздор, с какой такой стати старая средневековая площадь должна выглядеть иначе и почему он вообще об этом думает? Берись-ка ты лучше за работу, если хочешь восстановить прошлое Невалина и успеть в Варшаву к часу дня.

Какие сюрпризы могут его ожидать? Со свидетельством о браке заморочек не предвиделось, так же как и с метриками Якуба и Марьянны, где-то они найдутся — для исследователей архивов Царство Польское¹ было, слава Богу, довольно благосклонно. Благодаря наполеоновской конституции, начиная с XIX века, в Варшавском герцогстве² регистрация актов в приходах проводилась в двух экземплярах, один из которых передавался в Центральный архив. Позднее правила изменились, но все равно было не так уж плохо. Зато в

¹ *Царство Польское* — территория Польши, находившаяся в унии с Российской империей с 1815 по 1832 год, ставшая впоследствии (с 1832 по 1916 год) частью империи.

² *Варшавское герцогство* — государство, образованное в 1806 году из польских территорий, отошедших после второго (1793 г.) и третьего (1795 г.) разделов Речи Посполитой к Пруссии и Австрийской империи. Являлось протекторатом наполеоновской Франции и просуществовало до 1815 года, когда большая его часть была присоединена к Российской империи.

ДОЛЯ ПРАВДЫ

Галиции¹ дела обстояли хуже, а Восточные Кресы² — вот уж где настоящая генеалогическая черная дыра! Например, в Забужанском архиве в Варшаве актов раз-два и обчелся. То бишь с Марьянной, родившейся году в 1814-м, проблем не предвиделось. С Якубом — конец XVIII века — то же самое, ксендзы народ образованный, и метрические книги были полными, исключая разве уж самые ленивые приходы. А в Сандомеже на помощь приходил исторический факт: во время войны ни фашисты, ни Советы не обратили город в пепел. Самые старые книги относились к XVI веку — ведь только тогда, на Тридентском соборе, Церкви пришлось в голову переписывать своих овечек.

Он потер глаза и склонился над раскрытой книгой. Выходит, нужно просмотреть записи о венчаниях в Двикозах за последние два года, а заодно сразу же поискать мать. Девичья фамилия Кветневская. Хм. В голове раззвонился звоночек.

Прошло два года с тех пор, как Мышинский, не внимая ничьим советам, открыл фирму «Золотой корень». Идея сия взбрела ему в голову, когда он, собирая материалы для кандидатской в Главном архиве метрических книг, увидел людей с безумным блеском в глазах, беспомощно разыскивающих любую информацию о предках, дабы воссоздать свою родословную. Одному пареньку он помог из жалости, девице — из-за располагающего к себе бюста, ну и

¹ *Галиция* — коронная земля Габсбургской монархии со столицей во Львове. Образована после первого раздела Речи Посполитой в 1772 году.

² *Восточные Кресы* — польское название (от слова *kres* — граница, край, рубеж) нынешних территорий Западной Украины, Белоруссии и Литвы, некогда входивших в состав Польши.

наконец — Магде, поскольку была она прелестна со своей огромной генеалогической диаграммой, напоминающей Древо Иессея¹. Кончилось тем, что Магда и ее диаграмма проживали у него целых полгода, на пять месяцев дольше, чем ему бы хотелось. Съезжала она со слезами и осведомленностью, что прапрабабка ее, Цецилия, оказалась незаконнорожденной, ибо в 1813 году окрестила ее повитуха.

Тогда-то он и решил воспользоваться этим генеалогическим безумством и пустить в дело свое умение извлекать сведения из архивов. Его приятно будоражила мысль, что вскоре он заделается своеобразным сыщиком, погруженным в историю. Поначалу он, как и положено в романах и фильмах нуар, коротал время в ожидании телефонных звонков, пялясь в потолок, однако с течением времени клиенты появились. От случая к случаю и от заказа к заказу их становилось все больше и больше, правда, они отнюдь не напоминали длинноногих брюнеток в фильдеперсовых чулочках. К нему в основном наведывались представители двух человеческих типов. Во-первых — закомплексованные очкарики в пуловерчиках, с выражением «ну что я тебе такого сделал?» на лице, которым не больно-то повезло в жизни, а потому они надеялись обрести ее смысл в давно уже разложившихся предках. Покорно и притом с каким-то облегчением, будто изначально были готовы к подобному удару, принимали они весть, что являются ничьими потомками из Ниоткуда.

¹ *Древо Иессея* — аллегорическое изображение родословия Иисуса Христа.

ДОЛЯ ПРАВДЫ

Представители второго типа — как раз случай Неволина — с самого начала намекали: за подтверждение, что ведут свой род от пьяных кучеров и шлюх, платить они не станут, а раскошелятся на поиски шляхетских предков с гербами и места, куда можно повезти своих детишек, чтобы показать им — вот тут-де стояла усадьба, где прадедушка Поликарп залечивал раны после восстания. Не важно какого. Поначалу Роман был добросовестен до умопомрачения, однако потом пришел к выводу, что он ведь всего-навсего частная лавочка, а не какой-то там исследовательский институт. Раз шляхта подразумевает премии, чаевые и очередных клиентов, то пусть будет шляхта. И пожелай кто-то составить представление о прошлом Речи Посполитой на основании только лишь его изысканий, то быстренько бы пришел к выводу, что, против ожидания, это страна отнюдь не примитивных крестьян, но благовоспитанных господ, в худшем случае — процветающих мещан. И хотя Роман любыми способами притягивал факты за уши, он никогда не лгал — просто до тех пор копался в боковых ветвях, пока не отыскивал какого-нибудь завалящего помещика.

Но упаси Бог откопать еврея. Ведь говори не говори, что в Польше в межвоенный период евреи составляли десять процентов населения, в связи с чем среди предков обязательно отыщется иудей, особенно в Царстве Польском или Галиции,— аргумент сей никого не убеждал. Два раза с ним такое случилось. В первый раз с ним чисто по-человечески поговорили, а во второй его чуть было не уколошили. Сначала он был сильно озадачен, потом на пару дней призадумался и решил: наш клиент — наш хозяин. Как пра-

вило, к этой теме он обращался в первый же разговор с заказчиком и, если оказывалось, что она возбуждает излишние эмоции, готов был замести потенциально-го Ицека под ковер. Однако случилось такое считанные разы — Катастрофа снесла крону генеалогического дерева Израилева.

И вот те на, в документах XIX века всплыла Марьянна Неволлина, *de domo*¹ Кветневская. Чаще всего фамилии от названия месяцев² получали выкресты, именно в тот месяц они и крестились. То же самое с фамилиями, образованными от дней недели или начинающимися с приставки «ново-». Да и фамилия Добровольский могла указывать на то, что кто-то из предков добровольно перешел из иудейского вероисповедания в христианское. Роман был уверен, что за всеми этими историями стояла любовь: люди, выбирая между религией и чувствами, отдавали предпочтение вторым. А поскольку католицизм в Речи Посполитой был религией господствующей, то и переход обычно осуществлялся именно в этом направлении.

Собственно, в данный момент Роман мог бы не идти по этому следу — его и без того удивило, что подтвержденные документами корни Неволлина уходят так глубоко. Но, во-первых, ему самому стало интересно, а во-вторых, его вывел из себя этот прохвост, размахивающий у него перед носом перстнем с пустым местом для герба.

Он включил ноутбук и открыл один из главных своих источников — отсканированный «Географиче-

¹ *De domo* (лат.) — дословно «из дома»; девичья фамилия.

² Kwiecień (польск.) — апрель.

ДОЛЯ ПРАВДЫ

ский словарь Королевства Польского и других стран славянских», фундаментальный труд конца XIX века, где было описано практически каждое селение в границах Речи Посполитой еще до ее разделов. В списке названий отыскал Двикозы, село и бывшее церковное хозяйство, насчитывающее 77 изб и 548 жителей. И ни слова о еврейской общине, что вполне естественно, ибо селиться евреям на землях Католической церкви было запрещено. Следовательно, если Марьянна была из семьи местных выкрестов, то ее нужно искать или в Сандомеже, или в Завихосте. Он заглянул в сканы и справился, что в Сандомеже насчитывалось 5 еврейских постоянных домов, одна синагога, 3250 католиков, 50 православных, 1 протестант и 2715 евреев. А в Завихосте на 3948 душ населения иудеев числилось 2401. Немало. Взглянул на карту. Интуиция подсказывала ему: Завихост предпочтительней.

Роман отогнал от себя мысль, что впустую тратит время, встал, сделал несколько приседаний, скривился, услышав в коленках хруст, и вышел из читальни. В темном коридоре щелкнул переключателем — никакого эффекта. Щелкнул еще два раза — опять ничего. Огляделся в растерянности. Хоть ему уже приходилось провести ночь в архиве, на сей раз его охватило беспокойство. *Genius loci*¹, решил он и перевел дух, упрекая себя за буйную игру воображения.

Разозленный, еще раз щелкнул выключателем — несколько коротких вспышек, и лестничную площадку озарил мертвенный свет люминесцентных ламп. Он бросил взгляд вниз, на готический портал, веду-

¹ *Genius loci* (лат.) — гений места (добрый гений, дух-покровитель).

пций из административной части в архив. Выглядел тот, как бы поточнее выразиться, зловеще.

Чтобы нарушить тишину, он откашлялся и стал спускаться, размышляя по дороге о том, какую пикантность делу Неволлина и его прапрабабки *de domo* Кветневской придает тот факт, что сандомежский архив располагается в помещении синагоги XVIII века. Читальня и комнаты сотрудников архива находились в пристроенном к ней здании, где некогда обитала администрация общины. Сами же метрические книги стояли в главном молитвенном зале синагоги. Это было одно из самых интересных мест, какие он когда-либо видел за свою карьеру хроникального сыщика.

Внизу он толкнул тяжелую, обитую декоративными гвоздями железную дверь. В нос ударил ореховый запах столетних бумаг.

Старый молитвенный зал по форме напоминал огромный куб, который весьма хитроумно приспособили под архив. Посреди помещения возвышалась ажурная конструкция — хитросплетение металлических панелей, ступенек и полок. Ее можно было обойти со всех сторон, войти внутрь, в лабиринт узких коридорчиков, или же подняться на верхние ярусы и там углубиться в старые книги. Напоминала она как бы сильно вымахавшую биму¹, где теперь вместо Торы можно было почитать книги, подтверждающие рождение, брачные узы, уплату налогов и вынесенные приговоры. Вот они, священные книги современной бюрократической эры, подумал Роман. Не зажигая света, он пошел в обход сооружения, скользя

¹ *Бима* — возвышенное место в центре синагоги, с которого читают Тору.

ДОЛЯ ПРАВДЫ

ладонью по холодной оштукатуренной стене. Так дошел до восточной стены, где еще несколько десятков лет назад в нише, именуемой *арон а-кодеш*¹, хранились свитки Торы. Он зажег фонарик. Луч света пронзил густой пропыленный воздух, извлекая из темноты золотого грифона, удерживающего в когтях доску с древнееврейскими письменами,— похоже, одна из Скрижалей Завета, пришло ему в голову. Он направил луч вверх, однако многоцветная роспись вблизи свода тонула во мраке.

По крутым ажурным ступенькам Роман в сопровождении металлического эха поднялся на самый верхний ярус и оказался под сводом. Перемещаясь между полками, заставленными метрическими книгами, он стал рассматривать в свете фонарика знаки зодиака. Дойдя до крокодила, нахмурил брови. Крокодил?! Взглянув на соседний знак — Стрельца,— понял: это вовсе не крокодил, а скорпион. Роман помнил, что в иудаизме нельзя изображать людей, и подошел к Близнацам. Вопреки правилу, у них оказались человеческие фигуры, правда, без головы. Его даже перевернуло.

Ну ладно, решил он, хорошенького понемногу. В довершение ко всему он еще заприметил обвивавшегося вокруг *окулюса*² Левиафана. Дух смерти и истребления всего живого обрамлял пятно сероватого света, напоминающее вход в его подводное царство. Стало как-то не по себе, захотелось немедленно унести отсюда ноги, но в тот самый момент за этим округлым

¹ *Арон а-кодеш* (иврит) — синагогальный ковчег.

² *Окулюс* — круглое или овальное отверстие в стене или в своде для освещения помещения.